

СПЕЦНАЗ ГРУ

У СУДЬБЫ НА МУШКЕ

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Сергей Васильевич Самаров

У судьбы на мушке

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983128
У судьбы на мушке: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-184727-2

Аннотация

Ударные военные романы, написанные ветераном спецназа ГРУ.

Подполковник Вилен Бармалеев командует разведывательным батальоном в Сирии. Вместе с приданными ему подразделениями морских пехотинцев и сирийской народной армии спецназ ГРУ успешно громит банды моджахедов по всей линии фронта. Но однажды случается невероятное – один из бойцов батальона не выполнил приказ своего командира. Что это – саботаж или малодушие? Бармалеев не спешит с выводами, тем более что случившиеся вскоре грозные события показали, кто оказался прав на самом деле...

Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Горные перевалы, засады и жестокие схватки с бандитами – такова пропитанная порохом атмосфера этих захватывающих боевиков.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	57
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

**Сергей Васильевич
Самаров
У судьбы на мушке**

© Самаров С.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

– Товарищ подполковник, Вилен Александрович, а ты бы сменил свою фамилию... сейчас это просто делается. А то как-то несолидно получается. Мы вроде бы с «бармалеями» воюем, а наш батальон возглавляет подполковник Бармале-ев. Как ты вообще эту фамилию-то получил? Где нашел? Вроде бы и нет в природе такой... – Майор Лаптев, начальник штаба батальона военной разведки, перекладывал бума-ги со стола в сейф и одновременно давал советы и что-то вы-писывал в большую общую тетрадь, по форме прошитую и, как полагается, опечатанную...

– Я же из детского дома. А там нам давали фамилии на вкус директора, – добродушно объяснил командир батальо-на. – Он библиотеку детского дома полностью под свой кон-троль взял, чтобы нас с помощью хороших книг воспиты-вать. И как раз про Бармалея читал накануне моего там по-явления. Книги Чуковского я, признаться, с раннего детства не читал, даже детям, когда они маленькие были. Их воспи-танием полностью занималась жена, а я тогда все по коман-дировкам мотался. Вот в детском доме директор и дал мне такую фамилию. Как только я там появился, так Бармале-евым и стал. За внешность, должно быть. Я в детстве очень серчавым выглядел. Но в детском доме уже был парень по фамилии Серчавый, на три года меня старше, а два Серча-

вых на один детский дом многовато. Да я уже с годами привык к своей фамилии, а менять ее ради частного случая... Я же не только здесь воевать намерен... Не только с «бармалеями». К тому же документов надо кучу менять. И удостоверение личности офицера, и паспорт, и водительское удостоверение, и еще много других документов, не считая того, что жене и детям тоже нужно будет сменить фамилию. И паспорта, и свидетельство о браке, и аттестаты об окончании средней школы. Старшему еще и диплом... А это по нынешним временам накладно для семейного бюджета. И дети уже давно привыкли к своей необычной фамилии. Да и в Питере, я слышал, есть улица Бармалеева, где когда-то владел домом полицейский ротмистр Бармалеев. Еще, кажется, в позапрошлом веке.

Над внешностью подполковника природа тоже постаралась, сделав его лицо не просто серьезным, но еще и сурово-угрожающим. Впечатление при первом знакомстве складывалось такое, что Вилен Александрович смотрит так, словно хочет ударить и что-то недоброе сказать, хотя все подчиненные знали, что у Бармалеева добрейший нрав и он стремится понять любой поступок и проступок человека, и кое-кто этим умело пользовался с выгодой для себя и своей карьеры.

– Твое дело, тебе решать... – Майор сложил в сейф все свои бумаги, аккуратно, с нескрываемой любовью выровнял стопочку, сейф закрыл, опечатал сначала металлической ма-

стичной печатью, потом и бумажной со своим автографом и связку ключей вместе с металлической печатью спрятал в карман кителя, под бронезилет.

Бронезилет командира батальона висел на спинке соседнего стула – Бармалеев вообще был небольшой любитель себя отягощать и потому вне боя носил из всего комплекта экипировки «Ратник» только шлем с наушниками и КРУС¹ на кителе. Шлем подполковник носил для того, чтобы поддерживать постоянную связь со своим батальоном, а сама связь без КРУСа не работала. Приходилось и его цеплять на специальной клипсе под бронезилет на левое плечо, подальше от приклада автомата, хотя все в батальоне носили его сверху бронезилета, на сам броник и цепляя. Только стрелки-левши² носят КРУС на правом плече, чтобы приклад его случайно не помял и не поломал пластиковый корпус электронной игрушки.

Сам командир батальона был человеком чуть ниже среднего роста, внешне тщедушным и узкоплечим, но кто видел подполковника раздетым, что было возможно только в ба-

¹ КРУС – комплекс разведки, управления и связи, составная часть экипировки «Ратник».

² *Стрелки-левши* – в армии левша и правша разделяются не по принципу главенствующей руки, а по принципу главенствующего глаза при прицеливании. Так, левша, целясь куда-то, закрывает правый глаз, а правша – левый. Следовательно, и приклад автомата у левши упирается в левое плечо, потому КРУС и подвешивается справа. Официально считается, что количество левшей и правшей в армии примерно равное, хотя реальность показывает наличие только тридцати пяти – сорока процентов левшей.

не, тот говорил, что его тело представляет собой веревку, сплетенную из отдельных мышц. Да и все спортивные нормативы, даваемые для более молодых бойцов, комбат легко выполнял и перевыполнял – бегал он вполне на уровне даже специально отобранных для службы в спецназе спортсменов-легкоатлетов. На турнике, брусьях и кольцах выполнял упражнения, доступные одним лишь гимнастам, и при этом, как говорили, не знал, что такое усталость. А про стрельбу, особенно по движущейся мишени, и говорить не приходилось. Спортсмены-стрелки на стрельбище только рот от удивления разевали. А ведь Бармалееву было уже за пятьдесят лет.

– Товарищ подполковник, товарищ подполковник... – почти прокричал в наушниках высокий голос командира разведроты капитана Труфанова. – «Бармалеи» в атаку пошли. Приближаются.

– Ты сам сейчас где? – спокойно спросил подполковник Бармалеев командира разведывательной роты.

– В передовом окопе, рядом с часовым...

– И не знаешь, что следует делать? – слегка ехидно заметил майор Лаптев, который слышал разговор в свои наушники и которому легкое ехидство было свойственно.

– Знаю, – признался Труфанов так, словно он сделал открытие. – Батальон! К бою!

Капитан дал время бойцам покинуть блиндажи и только после этого скомандовал почти без волнения – так на него

подействовал спокойный тон подполковника:

– Начинают снайперы. Автоматчики подключаются позже, когда дальномер покажет возможность прицельной стрельбы. Ждать общую команду.

Сам комбат, услышав звуки артиллерийской стрельбы, облачился в бронежилет, так и оставив КРУС под ним, что вообще-то мешало переключению объектов связи, поверху надел и «разгрузку», висевшую на гвозде, вбитом подполковником собственноручно в бревно перекрытия, заменяющее традиционную балку, и кивнул младшему сержанту-связисту:

– Доложи в штаб, что противник пошел в атаку и начал с артобстрела. Спросят меня или майора Лаптева, скажи, мы в окопы ушли...

Так неназойливо командир батальона отдал приказ своему начальнику штаба следовать за собой, хотя майор Лаптев очень даже не любил артобстрелы и предпочитал пересидеть их в блиндаже, куда исключительно редко залетают шальные осколки. Неоткуда им просто прилететь – разве что в широкое и низкое окно без стекол влететь, а так стены вокруг. Но сидеть рядом с этим окном во время артобстрела может себе позволить только подполковник Бармалеев, но никак не майор Лаптев. Бармалеев обычно хладнокровен. Но и он позволяет себе эту роскошь только после того, как неподалеку разорвется один из снарядов. Сам он свое спокойствие объясняет тем, что из пушки, а тем более из гаубицы, которые

«бармалеи» и используют для артобстрела, невозможно бывает послать снаряд в одно и то же место два раза – слишком велика отдача у орудия, слишком сильно она меняет направление следующего выстрела.

Уже относительно приблизившись, противник подключил к артобстрелу и минометы, которые, как подумалось Вилену Александровичу, рискованно подтащил по тому же «коридору» в минном поле ближе к российским позициям. «Рискованно» потому, что противнику следовало опасаться контратаки, при которой минометы могут быть захвачены или развернуты в противоположную сторону.

Прошло всего восемнадцать часов с предыдущей атаки, когда держащий позицию батальон был на две трети уничтожен, но не отступил и не сдал свою позицию, несмотря на то что этот батальон состоял из сирийцев. А они, как всем хорошо известно, бойцы не лучшие, и «бармалеи» собирались их смять сегодня же, во время следующей своей атаки. Но на место сирийского батальона был поставлен подвернувшийся под руку командующему южной группировкой российских войск полковнику Прохорову свежий, еще не потрепанный в боях батальон спецназа военной разведки, только недавно прибывший из России. И надежды сирийского командования вспыхнули с новой силой. Оно же обдумывало наступление по всему фронту, однако ИГИЛ в этот раз эти надежды разрушил, начав собственное наступление на юге.

Бармалеев услышал новые звуки в артиллерийской

стрельбе и, вместо того чтобы выйти в окоп, как намеревался, посмотрел в окно.

– Танки пустили... Медленно идут... Стараются от пехоты не отрываться... Лаптев! Распорядись, чтобы «Корнеты»³ подготовили.

Майор резко, почти бегом пересек блиндаж и присел за стол младшего сержанта-связиста, перенеся свой раскладной брезентовый стул. Он снял трубку одного из телефонов и стал договариваться о выставлении ПТРК⁴. Но майору, видимо, задали встречный вопрос, и он вынужден был обратиться к подполковнику:

– Вилен Александрович, спрашивают, какое общее количество танков.

Бармалеев подошел к окну, выглянул, присмотрелся.

– Пока я вижу три танковые роты⁵. Нет, вон четвертая показалась. Но, кажется, неполная. Мне за барханами плохо видно.

– Короче, товарищ подполковник, к нам высылают три броневедомости «Тигр» с установками и два «Корнета» на треногах.

– Когда будут?

³ «Корнет» – противотанковый ракетный комплекс, разработан тульским КБ машиностроения. Практически не имеет аналогов в мировом вооружении, уничтожает танки противника на дистанции от 100 до 5500 метров.

⁴ ПТРК – противотанковый реактивный комплекс.

⁵ Танковая рота состоит из трех взводов, по три танка в каждом, плюс танк командира роты, итого – десять танков.

– Уже выезжают. От них до нас добраться – семь-восемь минут... Продержимся?

– Простоим. Без разговоров... Снайперы! Начали...

В наушниках раздался залп. Но команды произвести залп не давал ни сам комбат, ни его начальник штаба. Возможно, сам залп получился случайным. В пользу этого говорил и тот факт, что выстрелы прозвучали не одновременно, а словно кто-то горсть гороха в пустое ведро бросил. Но, может быть, не все снайперы успели вовремя разобрать цели или кто-то, отключив микрофон, им скомандовал по привычке голосом. Такая привычка, знал Бармалеев, есть у командира разведроты капитана Труфанова.

Но главное было не в этом. Главное, залп оказался удачным. Бойцы ИГИЛ шли в «коридоре», который они создали в минном поле прошлой ночью. «Коридор» был шириной метров в пятьдесят – шестьдесят. И за счет своего большого количества, а наступали «бармалеи» силами двух с половиной батальонов, вынуждены были передвигаться локоть в локоть, то есть почти толкая друг друга. Особенно неприятно сложилась ситуация для тех, кто шел справа и слева. Время от времени они или сами по невнимательности заходили за выставленные ограничивающие «вешки», или их выталкивали более массивные соседи, и «бармалеи» наступали на мины. Те, естественно, взрывались, и взрывы активировали расположенные неподалеку другие мины, отчего происходили новые взрывы, осыпающие колонну осколками. При этом

колонна коротко, но ярко освещалась, что вообще-то мешало спецназовцам качественно прицеливаться.

Но уже после первого залпа снайперов первые ряды колонны значительно поредели. А стрельба вразной доп. нительно делала свое дело.

Стремительно темнело. Солнце на западе скрылось за горами, и колонну «бармалеев» стало почти не видно. Так всегда бывает в южных странах, где вечер обычно проходит быстро, как, впрочем, и утро. Подполковник Бармалеев вынужден был включить на своем бинокле тепловизор. Теперь противник был хорошо различим. А впереди колонны людей ехали десять танков. Один танк впереди, остальные чуть приотстав, по три во втором и третьем ряду, два танка в четвертом и один танк последним, но машины ехали медленно, не желая отрываться от прикрывающей их пехоты. Научены опытом. Вчерашние противотанковые гранатометы сирийского батальона заставили противника проявлять осторожность.

– Интересно, командир роты в первом или в последнем танке? – вслух подумал подполковник Бармалеев. Но ему никто не ответил.

– Разберемся с железяками... – скорее в ответ на собственные мысли сказал майор Лаптев, пристраивая в окне автомат. – Вчера ночью, как мне между делом сообщили, была только одна танковая рота. Все танки гранатометами пожгли. Вон они стоят. Одни остовы остались... За день «бар-

малеи» с других участков фронта снять успели.

– На погибель... – резюмировал Бармалеев. – «Корнеты» прибыли...

Последнюю фразу подполковник произнес после того, как над головами спецназовцев пролетела ракета и ударила в танк, идущий последним из первой танковой роты. Тут же в танк, идущий первым, ударили еще две ракеты, заставив загореться и его. Но если последний танк никто не покинул – видимо, из трех членов экипажа никто не выжил – то из ведущего прямо на броню выскочил человек в горячей одежде. Он тут же, чтобы не мучился, был «снят» снайпером и упал на землю, раскинув руки, словно желал обнять земной шар.

Бармалеев включил на своем бинокле дальномер и определил расстояние. Дистанция позволяла стрелять и автоматчиками.

– Автоматчики! Стрельба вразнойой! Огонь!

Первым на приказ комбата отреагировал его начальник штаба...

В шлеме загудело от выстрелов и лязганья переводимых газами затворов. Автоматы АК-12, стоящие на вооружении спецназа военной разведки, снабжены глушителем, выполняющим одновременно и роль пламегасителя, и оптическим прицелом «Шахин» с эффектом тепловизионного видения. Это позволяло вести прицельную стрельбу, самим оставаясь невидимыми. А дистанция не доносила до противника неиз-

бежные звуки от лязганья затвора, слышимые только через наушники, потому что во время стрельбы микрофон прижимается к прикладу.

Таким образом, «бармалеи» сразу даже не могли осознать свои потери. А они были значительными. Каждая из отсеченных очередей автомата несла по две пули, и при этом никто не стрелял просто в воздух. Противник ожидал, что огонь снайперов – это все, на что способен почти разбитый накануне сирийский батальон. Да никто из командиров подразделений бандитов и не подумал, что стреляют именно снайперы. Негде было сирийскому потрепанному батальону столько снайперов набрать. А противника встретили плотные очереди бойцов спецназа, стреляющих без промаха. Таким образом за короткое время было уничтожено приблизительно полтора батальона «бармалеев», которые хватились своих потерь слишком поздно.

А те не слишком смелые бойцы ИГИЛ, что прятались от очередей спецназа за горящие или еще нет танки, осознав, что их осталось мало, первыми побежали к своим окопам. А за ними и остальные.

– Младший сержант, – обратился Бармалеев к связисту. – Вызывай соседей слева и справа на контратаку. Они только ждут момента. Обещали поддержать...

Он тут же протянул руку назад, за спину, и отстегнул клапан чехла своей малой саперной лопатки, а саму лопатку задорно подбросил в руке и тут же ее поймал. И вышел из

блиндажа в окоп, где легко, как молодой, только ухватившись одной рукой за опалубку окопа, выпрыгнул на бруствер.

– Батальон! МСЛ⁶ к бою! За мной! В контратаку! Вперед! Первая задача – захватить минометы. А дальше – ситуация подскажет...

И подняв МСЛ в руке, первым побежал в сторону противника.

Подполковник первым добежал до минометов, оставленных противником. Правда, некоторые из них «бармалеи» пытались разобрать и унести с собой, однако долго и быстро бежать, держа при этом в руках тяжеленный ствол или ненамного более легкую треногу, было попросту невозможно. А что касается чугунной тарелки опорной плиты, то тащить с собой такую тяжесть желающих вообще не нашлось. Хотя одну плиту все же забросили на удирающий с поля боя еще не поврежденный танк. Однако уже вскоре выстрел «Корнета» достал и его. Танк взорвался, сбросив вбок башню вместе с пушкой. Куда улетела опорная плита и кого она ударила – было непонятно, поскольку все произошло очень быстро и сам яркий взрыв не позволил это рассмотреть в телевизионный прицел. Командир батальона почти догнал противника, несущего ствол от миномета. И тот вынужден был

⁶ МСЛ – малая саперная лопатка. Отточенная до остроты бритвы, считается фирменным оружием спецназа военной разведки. Используется и в качестве штыка, и в качестве ножа, и в качестве топорика. Не зря в спецназе в расписании занятий существует отдельная строка: «Фехтование на МСЛ».

бросить свою ношу, чтобы спастись. Подполковник бросил в него свою лопатку, как индеец в кино бросает томагавк. Расстояние, судя по всему, для метания было очень даже подходящим. Лезвие вошло глубоко между лопаток в неприкрытую ничем, кроме камуфлированной куртки, спину, перерубив при этом позвоночник. Выхватив из упавшего лицом вниз тела лопатку, подполковник продолжил преследование. Следующий преследуемый тащил треногу, без которой невозможно было установить ствол. Но «у страха глаза велики», и этот страх вбрасывает в кровь адреналин, который, в свою очередь, удесятеряет силы. «Бармалей» бежал так быстро, что подполковник обратил внимание на то, что дистанция между ними сохраняется неизменной, и тогда он встал на одно колено, перехватил двумя руками свой автомат, прицелился и дал очередь в бритый затылок. Бандит упал прямо на треногу, придавив ее своим телом. Вытащить из-под бандита комплектующее миномета Бармалееву помог солдат, кажется, соседнего русского батальона, тоже подключившегося к контратаке. По крайней мере, по фамилии и в лицо он этого бойца не знал, а своих, кажется, всех помнил в лицо и по имени и даже слегка гордился этим.

– Тебе осталось ствол и опорную плиту подобрать – будешь стрелять из миномета, – сказал Бармалеев, подбадривая солдата.

– Командир взвода приказал добыть... – словно оправдываясь, сообщил боец.

– Волокушин! Не оставь свой взвод без трофейного оружия, – подсказал комбат командиру своего отдельного взвода старшему лейтенанту Антону Волокушину, во взводе которого уже имелся российский миномет «восемьдесят второго» калибра. – Хоть пару штук прикажи захватить...

Контратака между тем продолжалась. Поддержал ее и сирийский батальон, занимавший окопы с другой стороны от батальона спецназа. Сирийские бойцы, несмотря на то что считаются малопригодными к войне солдатами, по крайней мере, создавали видимость массированных и подготовленных действий. Сирийцев было много. Бармалеев слышал, что сирийский батальон усилен пятью взводами. А пять взводов – это почти рота, да и просто рота по масштабам спецназа. Подобное усиление просто так не производится. Видимо, и правда сирийское командование мечтало о наступлении.

Малая саперная лопатка в руке Бармалеева только мелькала остро отточенными гранями, которые скоро перестали блестеть от крови. А сам Вилен Александрович все чаще и чаще вытирал рукой, согнутой в локте, пот со лба. В конце концов рука устала бить убегающих этим своеобразным легким топориком, и подполковник остановился, убрал МСЛ в чехол на спине, перехватил поудобнее автомат, дал подряд три прицельные очереди, заметил, что отдельные бойцы обгоняют его, и снова побежал, теперь уже стреляя. Бармалеев обогнал тех, что некоторое время назад обгоняли его, и сно-

ва возглавил контратаку.

Он первым перепрыгнул окоп «бармалеев», откуда в него даже стреляли, но, к счастью, не попали – в движущуюся мишень вообще попасть нелегко, а второпях тем более, противник может рассчитывать попасть только случайно. А сам подполковник погнался отступающих дальше, в барханы, чувствуя за спиной мощную поддержку всего своего батальона.

Но перед комбатом встала дилемма: преодолев окоп, повернуть направо или налево. Повернуть налево значило поддержать свой, российский батальон и помочь ему изгнать из окопов «бармалеев» с их, бандитского, правого фланга. Повернуть направо значило оказать поддержку и без того значительно усиленному сирийскому батальону. И все-таки Бармалеев повернул направо, посчитав, что российский батальон со своей задачей справится в любом случае, а сирийцы могут и отступить, и тогда вся операция будет провалена и наступление сорвется.

Бармалеев бросился догонять передовые ряды сирийского батальона и увидел, что большинство его бойцов устремилось вслед за ним. Лишь отдельные двинулись за батальоном слева, который, судя по всему, и без помощи со стороны действовал успешно.

А вот сирийские правительственные силы поторопились праздновать победу, частично уничтожив батальон левого фланга противника и частично изгнав его остатки из окопов. Причем изгнали не в чистое поле, не в барханы, а в соседний

батальонный окоп. Хотя, очевидно, основная заслуга в этом принадлежит российскому спецназу. Силы первично наступающих были сформированы в основном из батальона, который раньше стоял напротив «коридора» в минном поле. Таким образом, спецназ военной разведки расчистил сирийскому батальону путь – в самих окопах противника оставались лишь незначительные силы и раненые, которые не могли идти в атаку на позицию спецназа. Уничтожить их и изгнать остатки было делом нехитрым. Но изгнанные со своих позиций «бармалеи» объединились с силами батальона, стоящего левее от них, быстро переформировались и ударили по своему бывшему окопу, где сирийцы готовились уже праздновать победу. Уж что-что, а воевать «бармалеи» умеют. В этом командир батальона спецназа военной разведки уже имел возможность убедиться. Однако воевать они умеют в основном с не любящими вести боевые действия теми же сирийцами, а при столкновении с любыми профессиональными войсками пасуют. Тем более со спецназом. Ведь любые боевые действия складываются из множества мелких дел. И здесь сказывается обученность отдельных бойцов. А на стороне «бармалеев» есть только азарт, который без обученности мало что дает. Не существует качественной обученности и в сирийской армии, как нет и желания воевать. Исключение составляет разве что сирийский спецназ под руководством бригадного генерала Сухеля Аль-Хасана, который качественно обучил своих отборных бойцов, и потому «барма-

леи» предпочитают с ними не воевать.

С качеством обучения сирийской армии Бармалееву довелось столкнуться тут же, и он в который уже раз убедился, что это качество оставляет желать лучшего. В своем подразделении, чтобы не лишать командования батальон, подполковник запрещает майору Лаптеву ходить в атаку, хотя порой тот и рвется. А когда разрешает, то сам остается в штабном блиндаже. Так, Бармалеев недавно был ранен в правое плечо и потому не имел возможности прижать к этому плечу приклад или действовать саперной лопаткой. Тогда майор замещал его во всем, включая атакующие действия.

А в сирийском батальоне случилось так, что один за другим погибли командир батальона и его начальник штаба, и в батальоне не нашлось офицера, решившегося бы взять командование на себя и продолжить начатое наступление.

А пока получилось, что сирийцы дошли только до перешейка, разделяющего позиции двух батальонов «бармалеев». Ширина перешейка от силы достигала четырех метров. Один окоп очистили и радовались неимоверно достигнутому успеху. Чуть было в пляс не пустились, что сирийцам вообще-то свойственно. А в это время противник произвел реформирование и одновременно тремя синхронизированными колоннами двинулся в атаку. Основная атака шла по центру – используя по длине только что оставленный окоп. Вторая колонна выдвигалась между окопом и минным полем. А третья пошла позади окопа, там, где шел вперед ба-

тальон подполковника Бармалеева. В итоге могло бы получиться так, что батальон Бармалеева, отступив он, подставил бы под удар сзади бойцов российского батальона майора Огнева, ушедшего на правый фланг «бармалеев». Допустить это было нельзя. У Огнева недостаточно и сил, и опыта, чтобы драться на два фронта, по сути дела в окружении. Хотя в спецназе и существует поговорка, что лучший бой – в окружении, тогда противник уж точно не убежит... Но ведь батальон майора Огнева – не спецназ. И его бойцов эта поговорка мало касается.

Но и сирийцы, почувствовав поддержку, повернулись лицом к врагу. И хотя они понесли значительные потери уже в первые минуты атаки «бармалеев», численное преимущество все равно было на стороне российско-сирийских сил, которые на каждую очередь бандитов отвечали двумя своими.

– Батальон! МСЛ – к бою! – скомандовал подполковник, вытащил свою лопатку и первым бросился на противника.

Один из «бармалеев» дал в него очередь, но бронежилет очередь выдержал, а удар лопатки снес стрелявшему половину головы. Замелькали другие лопатки. Спецназовцы стреляли, держа автомат в левой руке, а правые руки в это время сжимали черенки лопаток. «Бармалеи» такого боя не выдержали и резко повернули назад, сминая и роняя на песок тех, кто оставался у них за спиной. Им вдогонку стреляли и спецназовцы, и сирийцы. И «бармалеи», спасаясь от убий-

ственных очередей, бежали мимо своего окопа, который сразу, словно по чьей-то команде, заняли сирийцы. Точно так же был выбит со своей позиции и следующий по счету батальон. А небо тут и там прочерчивали ракеты «Змеев Горынычей»⁷, готовя «коридоры» в минном поле. Началось, кажется, общее наступление...

А все благодаря тому, что Бармалеев выбрал правильное направление движения для своего батальона и пошел не за российским батальоном, где мог бы обойтись вообще без потерь, а за сирийским, который сумел примером своего батальона вовремя развернуть в атаку и направить его действия...

Но тут Бармалеева нагнал младший сержант-связист с рацией в рюкзаке за плечами:

– Товарищ подполковник, товарищ подполковник... Приказ на отступление поступил. Приказано всем вернуться в свои окопы...

– Чей приказ? – сурово спросил командир батальона.

– Сирийского командования...

– Понятно. Они победить бояться! Себя бы лучше боя-

⁷ «Змей Горыныч» – УР-77, советская самоходная реактивная установка разминирования. Создана на базе самоходной гаубицы 2С1 «Гвоздика». Серийно производится с 1978 года взамен УР-67. УР-77 способна проделывать ходы в противотанковых минных полях во время боя. Ширина прохода составляет около 6 метров, а длина от 80 до 90 метров. Несмотря на то что УР-77 не предназначена для разминирования противопехотных мин, установка может расчищать противопехотные минные поля от американских мин нажимного действия М14, создавая проходы шириной до 14 метров.

Командующий объединенной группировкой генерал-полковник Сумароков лично вызвал к себе командира батальона спецназа военной разведки, чтобы высказать ему свое удовлетворение его действиями.

Генерал-полковник занимал кабинет в конце коридора здания бывшего аэропорта имени Басиля Асада⁸. Кабинет был просторным, и из широкого, во всю стену, окна открывался вид на весь аэродром, занятый российской авиацией. С края виднелся даже палаточный городок, имеющий свои улицы. А сам городок занимали в основном бойцы «морской пехоты» и летчики.

– Молодец, комбат, умеешь воевать... Так держать! – только и сказал в начале разговора генерал-полковник. – Однако твой батальон проходил же, если мне не изменяет память, специальное обучение... И потому я планирую использовать его впредь по прямому назначению. Полковник Прохоров воткнул тебя защищать фронт просто потому, что ты под руку подвернулся. Больше старайся не подворачиваться. Я сейчас подпишу приказ на выполнение задания, и ты на нем сосредоточишься. У тебя же пока, насколько мне извест-

⁸ *Басиль Асад*, старший брат нынешнего президента Сирии. Пользовался любовью и доверием народа. Погиб в автомобильной катастрофе в 1994 году.

но, полный боекомплект в наличии. Вот и используй его.

– Понял, товарищ генерал, – ответил Бармалеев, привычно вытягиваясь по стойке «смирно».

– А курировать твои действия будет полковник Скороков из Главного управления Генерального штаба. Валерий Николаевич его звать-величать. Знаешь такого?

– Никак нет, товарищ генерал. Только слышал о нем. Но лично контактировать не доводилось.

– Иди сейчас к нему. Как выйдешь от меня, по правой стене пятая по счету дверь... Найдешь или проводить?

– Найду, товарищ генерал. Я следопыт опытный. И считать до пяти умею.

За окном уже стояла ночь. Темнота подступила стремительно. И даже самолеты и вертолеты угадывались только по контуру. А палаточный городок светился только фонарями, установленными на бетонных столбах, и белым цветом брезентовых палаток. Молодая луна тонкой полоской-ободком только-только выкатилась на востоке, по сути дела никого и ничего не освещая, кроме звезд. Но звезды, как всегда бывает на юге, светили ярко и казались очень низкими и близкими.

– Разрешите идти, товарищ генерал.

– Иди... Да, еще вот что... На территории противника наводит свой порядок батальон «морской пехоты». Майор Кологривский им командует. Вы с майором друг друга не перестреляйте...

Бармалеев вышел за дверь и двинулся по коридору, считая двери по правой стороне. Пятую дверь он нашел без труда, постучал в нее и, услышав приглашение, смело шагнул за порог.

Полковник Скорокосов сидел за своим рабочим столом, а на столе перед ним была развернута карта близлежащих участков фронта. За спиной Скорокосова почтительно стояли два полковника, показывали что-то на той карте, один красно-синим карандашом, остро заточенным с двух сторон, второй короткой и тонкой бамбуковой указкой, загнутой с края. Одновременно что-то объясняли. При появлении Бармалеева оба полковника замолчали, словно желали сохранить нечто в тайне.

– А... Вот, кажется, и главное лицо нашего сегодняшнего действия прибыло... – сказал полковник Скорокосов.

– Разрешите представиться, товарищ полковник. Подполковник Бармалеев, командир батальона спецназа военной разведки... – по форме обратился подполковник к полковнику.

– Мы немного знакомы, – напомнил Скорокосов. – Вы же, кажется, когда возглавляли действия «синих» на учениях против спецназа ФСБ, только-только получили под свое начало батальон.

– Так точно, товарищ полковник. Хочу напомнить, что результаты учения были заранее спланированы в угоду третьим лицам.

– Вы не согласны с результатом. – Скорокосов нахмурился. – Не любите проигрывать...

Он повернулся к двум полковникам, поочередно посмотрев на одного и другого.

– «Красные» в тот раз победили... – сообщил он.

– У них спецназ состоит из одних офицеров, а у меня только половина состава была из «контрактников», а вторую половину составляли призывники, ничего, по сути дела, еще не умеющие. Кроме того, спецназ ФСБ оснастили приборами по последнему слову техники. А нас нет.

– Например... – поинтересовался полковник Скорокосов.

– Им выделили газовые анализаторы воздуха, а нам выдали только половину запрошенной партии памперсов для сидения в засаде. Этот запас быстро кончился, и анализаторы воздуха показывали спецназу ФСБ местоположение наших засад по запаху мочи... Этого при подобном раскладе было не избежать.

– А куда вы прятали использованные памперсы?

– Как и полагается, закапывали глубоко в землю, товарищ полковник, – на глубину не менее метра.

– Я, честное слово офицера, был не в курсе этих тонкостей, хотя входил в комиссию по утверждению результата. И результат меня тогда, скажу честно, расстроил... Но это дело прошлое. Пора уже забыть былые обиды. Сейчас одно общее дело делаем.

– Я уже забыл, товарищ полковник. Я вообще человек не

обидчивый.

– По внешнему виду не скажешь... – выразил свое мнение один из полковников, тот, что держал в руке бамбуковую указку.

– Никогда не судите по первому взгляду, товарищ полковник... – ответил Бармалеев.

– Нам только споров здесь и не хватало, – проворчал Скороков. – Вернемся к сегодняшнему дню, вернее, к сегодняшней ночи.

– Я готов к выполнению любого задания, как и весь мой батальон... Результат был бы не такой, как недавно, когда пришел приказ отступить уже после почти полной победы.

– К сожалению, разведка слишком поздно донесла, что на ближнюю позицию выдвинулись «Грады» противника и батарея гаубиц. Наши наступающие войска, и в первую очередь ваш, товарищ подполковник, батальон были бы просто перемолоты массированным артиллерийским налетом, – сказал один из полковников, что стоял за спиной Скорокова. – Плюс к этому – три минометные батареи были готовы к действию. Позиция у минометчиков тоже заранее пристреляна. И отступали «игиловцы» целенаправленно, заманивали противника на пристреленные позиции.

– Этого обстоятельства я не знал, – вынужденно признался Бармалеев.

– И потому мы вспомнили о вашем батальоне... – продолжил второй полковник. – Вы же прошли специальную тре-

нировку по уничтожению «Градов». Смотрите в карту.

Бармалеев подошел вплотную к столу.

– Вот это наши позиции. – Указка обрисовала круг. – Синим карандашом обозначен «коридор» в минном поле.

– Пользуясь темнотой, вы проходите большую часть коридора ускоренным маршем, – подсказал полковник с красно-синим карандашом в руке.

– От окопов до начала минного поля около пятидесяти метров, – продолжил его коллега с указкой. – По краю минного поля вы пускаете свой взвод саперов, которые обучены искать мины. А тем временем весь батальон скрытно ползком преодолевает два с половиной километра между окопами и минным полем и выходит вот сюда... – Указка ткнула в карту. – Здесь соединяются позиции двух подразделений ИГИЛ – собственно ИГИЛ и «Фронта ан-Нусра», которая с ИГИЛ не слишком ладит – власть никак не могут поделить... И потому между подразделениями существует не занятый никем участок протяженностью в сорок – пятьдесят метров. Это как раз то место, где батальон может пройти в глубину территории противника.

– А откуда эти данные? – спросил Бармалеев.

– Вчера над этим местом летал и производил съемку наш разведывательный дрон.

– Днем летал?

– Днем. А какая, в принципе, разница...

– Днем его должны были заметить и определить это место

как место возможного прорыва, а сейчас уже подготовиться к ликвидации этого возможного прорыва. Я бы рекомендовал вам запустить дрон сейчас, пока ночь, и инфракрасная камера определит существенное увеличение площади окопа в этом месте. Причем с двух сторон. Проходить вы нам, естественно, рекомендуете по дну высохшего ручья. А позиции и ИГИЛ, и «Фронта ан-Нусра» значительно выше, следовательно, они могут стрелять, не опасаясь попасть друг в друга. И уничтожить батальон. Но не это самое главное. Батальон до них просто-напросто не доберется. Пока я доеду до позиции, пока проведу инструктаж – пройдет время и станет уже почти светло. Мы, растянувшись перед окопами в линию, будем прекрасной мишенью для стрелков. Нас просто расстреляют, пока будем ползти. И потому я прошу командование перенести операцию на завтрашнюю ночь.

– Это невозможно... – категорично заявил Скорокосов. – Ночью саперы могут снова заминировать свой «коридор».

– Невозможно... – подтвердил полковник с указкой.

– Никак невозможно, – подтвердил его коллега с красно-синим карандашом.

– Я не имею права жертвовать своим батальоном, – не менее категорично заявил Бармалеев.

– Какой у вас норматив по передвижению по-пластунски? – поинтересовался Скорокосов.

– Восемь километров в час. Чуть-чуть быстрее прогулочного шага. Это без учета маскировки. То есть мы передвига-

емся с этой скоростью, не стараясь остаться незамеченными. А в светлое время – это вообще невозможно.

– Да, пожалуй... – согласился Скороков. – Но я обязан доложить твое, подполковник, мнение генерал-полковнику... – Он встал и вышел. Остальные остались ждать. Скороков вернулся через пять минут.

– Генерал-полковник тебя требует, – с порога сказал он Бармалееву. – С картой вместе, – кивнул он на свой стол.

Полковник с указкой начал складывать карту. А Бармалеев задумался...

* * *

В кабинете генерал-полковника Сумарокова Бармалеев пробыл минут десять и вышел, пряча в нагрудный карман свой планшетник, на который только что в генеральском кабинете переснял карту и циркулярно разослал ее всем офицерам и солдатам батальона. Офицеры приняли карту на точно такие же планшетники, а простые бойцы и сержанты – на приемоиндикаторы⁹.

– Я сейчас позвоню, распоряжусь насчет транспорта, –

⁹ *Приемоиндикатор* – прибор, внешне напоминающий смартфон, хотя выполняет многие функции планшетника, фотографирует нужные объекты и передает фотографии командованию, видит расположение других бойцов и командиров. Является, как и планшетник у офицеров, составной частью экипировки «Ратник».

сказал на прощание генерал. – Мою машину здесь знают, пропустят везде. Ждать не придется. Да и водитель у меня опытный. Быстро домчит.

Бармалеев вышел из здания пассажирского терминала аэропорта, превращенного в штаб объединенных сил, и сразу ко входу ему подали машину. Водитель – сержант контрактной службы – опустил стекло и спросил только:

– Подполковник Бармалеев?

– Он самый.

– Садитесь на второй ряд сидений. Там удобнее.

На втором ряду было только два сиденья, между которыми располагался подлокотник с пультом управления климатом и два подстаканника. Открывать дверцу расположенного здесь же шкафчика Бармалеев постеснялся. Как постеснялся и включить компьютер, расположенный на задней части водительского подголовника.

За его погрузкой в автомобиль из своего окна наблюдал полковник Скорокосов.

– Надо же... Генерал даже свою машину подполковнику выделил. Торопится, видимо. Надо бы присмотреть за Бармалеевым, как бы дров не наломал... – И Скорокосов позвонил в гараж, потребовал подать ему к главному входу его боевую машину пехоты...

Глава 2

Полковник Скорокосов приехал в штабной блиндаж батальона спецназа военной разведки, когда там оставался один младший сержант-связист, только-только заступивший на смену и потому ничего не знающий о том, куда все удалились. А вскоре явился и начальник штаба батальона майор Лаптев.

– Здравия желаю, товарищ полковник. А я вижу, БТР стоит недалеко от блиндажа. Дай, думаю, посмотрю, кто к нам пожаловал. А это, оказывается, вы... Есть вопросы?

– Есть. Куда делся подполковник Бармалеев и где другие офицеры батальона?

– Все выполняют приказ генерал-полковника Сумарокова! Подполковник, наш комбат, вместе с ним разработал план новой операции по уничтожению «Градов» противника.

– Но мы же с оперативным отделом специально для вас и под вас разрабатывали план...

– Я в курсе. Но товарищ подполковник отклонил его. При этом плане батальон будет полностью уничтожен. И я с комбатом абсолютно согласен. Комбат сам решил пойти на риск, выполняя новый план.

– На какой риск? – с некоторым даже возмущением спросил Скорокосов.

– На риск незапланированной атаки сил ИГИЛ.

– А какой тут риск! – возмутился полковник. – После полного разгрома нападавших у них просто сил на наступление не найдется.

– Товарищ подполковник вместе с товарищем генерал-полковником так и рассудили. И все же на всякий случай решили определенные силы здесь оставить.

– Какие силы?

– Линейную роту, отдельный взвод, взвод связи плюс роту сирийцев, которую генерал-полковник приказал перебросить нам из сирийского батальона.

– А сам подполковник с чем остается?

– У него в подчинении разведрота капитана Труфанова Сергея Юрьевича и взвод саперов под командованием старшего лейтенанта Соловейчикова Олега Николаевича.

– Но этого же для большой операции откровенно мало! – возмутился полковник.

– Я тоже сначала так думал, но товарищ подполковник сумел убедить меня, что этих сил хватит. Малые силы менее заметны.

– Убедите и вы меня, товарищ майор, – стоял полковник на своем.

– Моя фамилия Лаптев, а не Бармалеев... – только и ответил начальник штаба батальона. – И я не обладаю тем запасом аргументов, которым обладает мой комбат.

– Но ведь количество его бойцов сразу определяют с пер-

вого же дрона...

– Подполковник захватил с собой два противодроновых ружья. В случае опасности любой дрон «посадят».

Со стороны противника раздалась пулеметная очередь, которая захлебнулась от глухо прозвучавшего взрыва гранаты, а потом и второго такого же взрыва.

– Похоже, прорыв сорвался, – заметил Скорокосов.

– Напротив... – не согласился Лаптев. – Мне кажется, две гранаты с небольшим интервалом бросили в блиндаж и уничтожили всех, кто там находился. Из-за внутреннего взрыва и звук такой глухой. А это значит...

Полковник хорошо знал, что в блиндаж гранаты бросаются с небольшим интервалом. Первая – чтобы осколками поразить спящих, вторая предназначена для тех, кто после первого взрыва не пострадал от трехсот осколков, разбрасываемых «Ф-1», а только от испуга вскочил на ноги.

– Это значит, что помешать прорыву больше некому, – завершил фразу майора Лаптева полковник Скорокосов.

* * *

Бармалеев тем временем приблизился к противостоящему батальонному окопу ИГИЛ, который он совсем недавно еще так легко перепрыгивал. В наушниках перед тем раздалась несколько отсеченных очередей – бойцы просто расстреляли тех противников, что оказались в окопе. Потом

раздалась пулеметная очередь, быстро захлебнувшаяся после глухо прозвучавшего взрыва гранаты «Ф-1»¹⁰, и последующий за первым второй взрыв.

Бармалеев уже по другую сторону окопа остановился, отдал приказание командиру саперного взвода старшему лейтенанту Олегу Соловейчикову, а сам, знаком позвав за собой командира разведроты капитана Труфанова, устремился за бархан, позади которого располагалась согласно карте, переснятой в штабе, нередкая для этих мест полоса «зеленки». Такие полосы часто встречались бойцам. Сирийцы желали остановить наступление барханов на плодоносящие земли Идлиба, а в провинции Идлиб большинство населения занято в сельском хозяйстве, они и высаживали полосы «зеленки» вручную. Наибольшую площадь «зеленки» занимают оливковые рощи. Но в них деревья посажены поодаль друг от друга, чтобы кроны не переплетались. И прятаться в такой роще было проблематично. Кроме того, здесь же выращивали и хлопок, и различное зерно, и виноград, и кунжут, и миндаль, и, конечно, томаты. Батальон Бармалеева интересовали больше других самые простые, барханосдержива-

¹⁰ «Ф-1» – ручная граната оборонительного действия, то есть разбрасывающая около трехсот осколков на дистанцию до двухсот метров, почему ее и рекомендовано бросать либо из окопа, либо из танка, бронетранспортера, либо внутрь помещения снаружи. Порой эту гранату называют «лимонкой», но отнюдь не за форму, напоминающую очертаниями лимон, а только по аналогии с английской гранатой конструктора оружия Лемона, имеющей сходный принцип действия, хотя и существенно отличающийся сам запал.

ющие кусты, поскольку в них можно было маскироваться и прятаться. Они не представляли такой ценности, как сельскохозяйственные посадки. Совсем другое дело, что эти же заросли привлекали внимание и «бармалеев», которые прятали в них свои «Грады» и гаубицы и стреляли именно оттуда.

Старший лейтенант Соловейчиков догнал командира батальона и командира разведроты, когда те остановились на берегу почти высохшего ручья.

– Кого ждем, товарищ подполковник? – спросил Соловейчиков.

– У моря погоды, – мрачно ответил подполковник, демонстрируя свое не лучшее состояние духа. Лучшим ему мешали стать обстоятельства.

Бармалееву было от чего расстраиваться. Дно ручья по сути превратилось в грязь. И любая попытка переправиться здесь через ручей легко выдала бы спецназовцев противнику, вздумай кто-то только прогуляться в свои тылы. А спецназ привык не оставлять за собой ни единого следа, способного выдать его присутствие.

– Что с преследованием, доложи... – потребовал комбат у командира саперного взвода.

Как раз к этому моменту в тылу батальона раздались два взрыва, после которых в наушниках прозвучала автоматная стрельба АК-12.

– Думаю, что все. Преследователи перестали существо-

вать. Я сам лично две мины поставил. Обе они и взорвались. А остальных бойцы взвода перестреляли.

– Где взял мины? – еще строже, чем подполковник, спросил капитан Труфанов.

– Там их целый склад. Был... – Последнее слово прокомментировал мощный взрыв в тылах «игиловцев», с одновременным выбросом вверх земли, пламени, ветвей и кустов. – Я склад-землянку заминировал. Пусть думают, кто-то из своих по неосторожности подорвался.

– Много парней они за нами послали? – продолжал свои расспросы Бармалеев.

– Нет, думали, наверное, что фронт перешла простая ДРГ¹¹... Полувзвод и послали на наше уничтожение. Посчитали, что этого хватит.

– А склад с минами ты зря взорвал... – сказал Труфанов. – Надо было сперва своим дать зарядиться.

Бармалеев промолчал. Он отлично знал, что старлей Соловейчиков никогда не упустит возможности загрузить рюкзаки бойцов своего взвода опасным грузом.

– Что там позаимствовал? – наконец поинтересовался Бармалеев.

– Американские мины М-14¹². Официально они захваче-

¹¹ ДРГ — диверсионно-разведывательная группа. Обычно состоит из 3–5 бойцов. Но порой бывает и больше.

¹² М-14 – противопехотная американская мина нажимного действия. Снята с вооружения США в 1974 году, тем не менее на складах в США остается около 1,5 миллиона этих мин. Кроме того, собственное производство подобных мин

ны на складах иракской армии. Но те давно уже кончились бы. А неофициально америкосы их продают «игиловцам», как и гаубицы «Три семерки»¹³. Я их взял, чтобы думали, будто на своих минах рвутся. От взрыва российской эта сильно отличается. Даже звуком...

– Что делать будем? – спросил капитан, скорее у самого себя, чем еще у кого-то.

– Перекат искать, – подсказал Соловейчиков. – По бывшему перекату переправляться – милое дело. Никаких следов... – Он словно мысли комбата читал. – Пойду гляну. Ниже по течению шумит вроде бы...

И Соловейчиков, только что стоящий рядом, вдруг исчез из поля зрения командира батальона и командира разведроты. Капитан Труфанов не так давно прибыл из резерва бригады в батальон и не успел еще привыкнуть к исчезновениям старшего лейтенанта, как привык к этому подполковник, и потому стал искать Соловейчикова глазами, но найти не смог.

Вернулся старший лейтенант через три минуты. Так же, как исчезал, появился на своем прежнем месте, словно бы ниоткуда. И сразу же доложил:

по сей день осуществляют такие страны, как Индия и Вьетнам.

¹³ *Гаубица «Три семерки»* – буксируемая гаубица М-777, мощное артиллерийское орудие калибра 155 мм. Не имеет аналогов по своему весу за счет широкого применения деталей из титана, изготавливаемых в Великобритании. Стоит на вооружении армий США, Канады, Бразилии, Индии, Саудовской Аравии, а с 4 мая 2022 года – и Украины.

– Там пост выставлен. Пара часовых. Водку жрут и финиками закусывают. Косточки фиников разбрасывают. В меня нечаянно попали. И травку курят. Надолго их не хватит. Быстро, похоже, скукожатся. Их, скорее всего, у переката и выставили от нас сам перекат охранять. Только толку от такой охраны мало.

– Ты часовых почему не снял? – недобро спросил капитан Труфанов.

– Двоих подстрелить нехитрое дело. Но нельзя их снимать... – терпеливо, как учитель ученику, сказал Соловейчиков. – Я же не знаю, когда у них смена. Разводящий первый поднимет тревогу, когда не найдет их на месте. А вдруг смена уже вышла? Я же не в курсе...

Командир саперного взвода посмотрел на комбата, тот только молча кивнул, одобряя действия Соловейчикова и подтверждая, что снимать часовых не следовало.

– Все равно два ствола за спиной оставлять рискованно, – высказал свое мнение капитан.

– И что делать будем? – спросил у офицеров Бармалеев.

– Выше по течению вроде бы что-то шумит. Может, тоже перекат? Я гляну.

Он исчез так же внезапно, как в первый раз. Только в этот раз не появлялся дольше. Наконец в наушниках раздался его высокий голос:

– Товарищ подполковник, товарищ подполковник, сюда двигайте. И капитана не забудьте. Здесь даже машины пе-

реезжали. Транспортировочно-загрузочные от «Градов». А может, и сами «Грады» с ними вместе...

Бармалеев вошел в воду, едва скрывавшую подошву его обуви, но капитан Труфанов тут же по связи окликнул его:

– Сзади!

Подполковник резко, хотя и без звука, отпрыгнул в береговые кусты, местами доходящие до самой воды, и только после этого обернулся. Метрах в пятидесяти за ними на большом, выступающем из воды округлом валуне сидели двое часовых с автоматами за плечами. Початая бутылка водки стояла на соседнем камне. Правда, сидели они к офицерам спецназа спиной, но любой из часовых мог не вовремя обернуться и увидеть комбата даже в предутренней темноте.

Бармалеев спрятался вовремя. Как раз один из часовых, устав, видимо, сидеть на валуне, спрыгнул на плоский камень под ногами и посмотрел на русло ручья – вверх по течению. Но то ли он сделал это слишком поздно, то ли ночная темнота еще не полностью рассеялась, но командира батальона он не увидел, а командир разведроты смотрел сквозь ветви кустов и, хотя он и повернул ствол своего автомата в сторону часового, стрелять все же не стал.

Два офицера свернули за поворот ручья, прошли еще немного и оказались среди своих. У нового переката собралась вся разведрота и весь саперный взвод. В этом месте ручей был особенно широк и многоводен. Весной вода упиралась в камни и размывала песчано-грязевое дно. А к середи-

не осени камни уже оказались под небольшим слоем воды. Бармалеев прошел почти до середины ручья, постоянно поглядывая влево. Не окажется ли он замечен с поста, где пара часовых пила водку и закусывала финиками. До поста, по мнению подполковника, было чуть больше, чем девяносто метров. Казалось бы, можно и увидеть. Однако что-то заставило часовых покинуть место наблюдения. Бинобль с дальномером и с эффектом ночного видения показывал только валун, на котором раньше сидели часовые, но людей рядом видно не было.

Командир батальона остановился и внимательно рассмотрел место, где на плоском камне отчетливо отпечатался след автомобильной шины. Чуть дальше Соловейчиков рассматривал дно ручья в месте, где сдвоенные задние колеса то ли элементарно не вписались в импровизированный мост, то ли просто сорвались со скользких камней. Мутная вода в этом месте давно уже ушла вниз по течению, но колеса прорыли в грязном песке широкую и довольно глубокую колею.

– Здесь явно буксовал грузовик...

– И не один, похоже, – добавил старший сержант Яков Крендель, бывший студент Киевского государственного университета, заместитель командира саперного взвода. – Если по следам судить, то здесь прошли сначала несколько «Градов», а следом за ними уже транспортировочно-заряжающие машины.

– И прошла, похоже, целая батарея «Градов», которую мы

и ищем, – добавил подполковник. Он вытащил из нагрудного кармана свой планшетник с картой, с которой сразу же удалил часть условных обозначений. И, используя циркулярную систему связи с другими планшетниками и приемоиндикаторами, разослал уточнения всем, кому они были нужны.

Бармалеев еще раз посмотрел в бинокль на валун, где еще недавно сидели двое часовых, но снова никого не увидел. И только в последний момент, когда командир батальона уже хотел убрать бинокль, часовые вышли на открытое место, но подполковник без труда определил, что это уже другие люди.

– Олег Николаевич, – обратился он к командиру саперного взвода, – часовые только что сменились.

– Понял, – кивнул Соловейчиков и моментально исчез из поля зрения. А еще через пару минут в наушниках Бармалеева раздался звук двух очередей, и он понял, что часовые перестали существовать, и можно переходить ручей свободно, не опасаясь засветиться.

Через две минуты Соловейчиков возник на своем прежнем месте и кивнул подполковнику: «Дело сделано!»

– Первый взвод! На тот берег. Вперед! – дал команду Труфанов, который, как оказалось, тоже ждал старшего лейтенанта.

Комбат поймал взгляд Соловейчикова.

– Первый взвод! Отставить! – скомандовал Бармалеев. – Сначала ручей переходит взвод саперов. Проверяют безопасность для всех остальных. Потом они же дают команду.

Командир разведроты надулся, но промолчал. А командир саперного взвода двинулся, как обычно, ведущим.

– Все внимание по руслу ручья, вверх по течению. С «Градов» вас не должны заметить.

Саперный взвод быстро перешел ручей. И только когда старший лейтенант, спрятавшись за кусты, поднял вверх скрещенные руки, подавая всем известную команду: «Проверено. Мин нет!», подполковник кивнул капитану, что означало: «Командуй».

– Первый Взвод! Вперед! – сразу же прозвучал в наушниках голос.

Первый взвод, которым командовал старший лейтенант Яценко, ждал только команду и сразу перешел ручей. За ним и остальные четыре взвода роты разведки, словно все только и ждали разрешения.

За полосой «зеленки» лежали около пятисот метров поля, заросшего редкой в Сирии высокой травой, а за полем находилась новая «зеленка», высаженная параллельно первой. В ней, судя по следам тяжелых автомобилей, и прятались «Грады».

– До следующей «зеленки» ползем в том же порядке, аккуратно, зад не задирать, – дал комбат команду. – Саперы! Вперед! Первый взвод! За саперами...

Капитан решил пошутить:

– Товарищ подполковник имел в виду, что он даст очередь в любой зад, который над травой поднимется...

Бармалеев ответил не менее грубоватой шуткой:

– А командир разведроты обещал дополнительно дать очередь в затылок тому же бойцу. Это во избежание крика, который обязан привлечь внимание ко всем ползущим. Так что глотайте пули молча.

И Бармалеев пополз сам. В месте, где ему пришлось пересекать высокую земляную гряду, зад его поневоле поднялся выше травы, как и у всех ползущих впереди бойцов разведроты.

– Товарищ подполковник, стрелять или как?.. – спросил капитан.

Подполковник оглянулся, посмотрел через плечо. Ствол автомата капитана Труфанова смотрел ему прямо в спину.

– Ты что, не знаешь, что Устав запрещает целиться в своего же даже из незаряженного оружия? А еще капитан... Командир роты...

Ствол моментально стал смотреть в другую сторону. А подполковник Бармалеев пополз дальше. Капитан Труфанов догнал его только в момент, когда Бармалеев сел под деревом, осмотрелся, а потом и встал во весь свой невысокий рост. Последние бойцы пятого взвода, которых Бармалеев вместе с командиром разведроты обогнали в поле, еще только доползали до «зеленки».

– Товарищ подполковник, извините за грубую шутку... – сказал Труфанов.

– Ладно... Проехали... – отмахнулся командир батальо-

на. – Соловейчиков, произвести разведку.

– Понял, командир... – кивнул старший лейтенант и сделал знак своему взводу. – За мной!

Честно говоря, капитан Труфанов имел право обижаться на комбата и как-то пытаться проявить свои чувства.

Это подполковник понимал. Не зря подчиненная капитану рота носит название разведывательной. И производить разведку – это дело его роты. Но Бармалеев слишком давно знает Соловейчикова, изучил его способности и доверяет ему больше, чем кому-то другому в батальоне. И потому предпочитает посылать в разведку именно старшего лейтенанта.

Соловейчиков быстро вернулся в одиночестве. Свой взвод он где-то оставил.

Бармалеев поднял подбородок, таким образом требуя доклада.

– Батарея «Градов», – коротко доложил старший лейтенант. – Возле каждой – транспортировочно-заряжающая машина. Экипажи «Градов» – по три человека. У транспортировочно-заряжающих машин – по двое, только у двух трое. У второй и пятой. Два отделения охраны – двадцать два бойца вместе с командирами отделений. Обедают за последней машиной. Три повара. Принесли термосы.

– Твой взвод? – требовательно спросил подполковник.

– У последней машины. Разбирают цели...

Меж тем капитан Труфанов уже разделил три взвода на

две части и назначил старших в каждую из них.

– С первой группой иду я, с третьей – Труфанов. Я – рассчитываю время. Команда на огонь – взрыв последней машины. Все... Двинули...

Все произошло предельно быстро и просто. Противник, несмотря на весь свой боевой опыт, даже ничего понять не успел. Даже за машины не залегли, чего, по правде говоря, Бармалеев опасался.

Подполковник выждал время, необходимое бойцам на занятие позиций. Спросил о готовности по внутрибатальонной связи. Первым, естественно, доложил Соловейчиков, чей взвод начал готовиться раньше других. К нему присоединились и остальные.

– Поехали... – прозвучала команда, и в наушниках раздалась звуки отсеченных очередей и лязганье затворов. Потом ухнул гранатомет РПГ-29¹⁴. И после этого раздался мощный взрыв, после которого второй раз выстрелил «Вампир», и раздался второй взрыв, послабее первого. Видимо, «Град» был полностью заряжен и готов к стрельбе, а второй взорвалась транспортировочно-заряжающая машина, уже наполовину пустая, и потому второй взрыв оказался слабее первого. Но бойцы роты его уже не слышали. Они сами стреляли.

¹⁴ РПГ-29 – ручной противотанковый гранатомет «Вампир», прожигает армированный бетон на три метра вместе с арматурой. Стоит на вооружении в России, в Сирии, в Казахстане и в Мексике. Производится НПО «Базальт». Причем на военном параде в Мексике с гордостью показывали «Вампиры», когда их еще не было на вооружении Российской армии.

«Бармалеи» выскочили из своих машин и смотрели влево на зарево, тогда как им следовало смотреть вправо, откуда на них самих смотрели несущие смерть стволы спецназовцев. И они принесли смерть. С «бармалеями» было покончено почти одновременно со всеми, кроме одного водителя транспортировочно-заряжающей машины. Боец ростом был почти карлик и потому удачно спрятался, когда расстреливали других, в кабине автомобиля. Но когда спецназовцы вышли из укрывающих их кустов, бандит вместо того чтобы стрелять в них, не ожидающих этого, воспользовался тем, что машина его стояла с включенным двигателем, и сразу со второй скорости газанул. Грузовик несколько раз подбросило на кочках, и он выскочил в поле между двумя полосами «зеленки».

– Олег, – обратился Бармалеев к командиру саперного взвода. – В твою сторону грузовик прорвался. Водитель маленького роста. Уничтожь!

– Вижу – едет. Тельфер¹⁵ болтается. Мои бойцы по машине стреляют. Колеса пробиты. На дисках едет. На такой почве это недолго. Все... Есть несколько попаданий в водителя. Встал грузовик. Осталось подорвать.

Прошло несколько секунд, и грохнул взрыв. Соловейчиков с задачей справился.

Но терять время было нельзя. И не потому, что к «бар-

¹⁵ *Тельфер* – кран на грузовой машине. Как правило, с помощью тельфера можно выполнять работы на данном грузовике и на стоящей рядом машине. Именно он используется для загрузки ракет в «Град».

малеям» могла подойти помощь. Открытого боя Бармале-ев не опасался. Следовало еще успеть уничтожить гаубицы, обслуга которых о проникновении диверсантов наверняка оповещена. При этом каждое орудие обслуживается семью бойцами и одним офицером-артиллеристом. В лучшем случае гаубицу обслуживают только пять бойцов. А это значит, что спецназ готовы встретить от тридцати до сорока восьми «бармалеев». Причем все они предупреждены взрывами и дымом от взорванных «Градов» о том, что идет атака. К тому же, как показал дрон-разведчик, рядом с каждым орудием расположен окоп на случай встречного артобстрела или авианалета. Да и сам бронированный защитный щит гаубицы может служить укрытием, из-за которого не грех и пострелять.

– Теперь – вперед! К гаубицам! – дал подполковник команду, когда его подчиненные собрались.

Однако к гаубицам еще следовало подобраться. Они были выставлены чуть дальше «Градов» – и следовало преодолеть еще одну полосу «зеленки» и два участка поля. Утешало только то, что поля были покрыты высокой травой, а не были сплошными барханами. В траве все-таки легче остаться незамеченным.

– Снова ползком! Противник может выставить разведку. Потому предельно прижиматься к земле, – дал командир батальона указание. Капитан Труфанов больше не шутил, и сами бойцы не проявляли эйфории после внешне такого легко-

го и быстрого уничтожения «Градов». Но внешняя легкость и скорость работы, как это часто бывает на войне, являются только следствием хорошей выучки и дисциплинированности солдат, их четкого выполнения задания командира.

Выполняли они это задание и в дальнейшем. Все так же аккуратно переползли первое поле. Первыми, разумеется, пересекли его саперы, убедились в отсутствии разведки и мин и дали команду остальным. За саперами, повзводно, пересекли поле и бойцы разведроты. Последними начали движение, хотя и не последними финишировали, подполковник Бармалеев и капитан Труфанов.

Командир батальона посмотрел вперед через бинокль. Все поле, которое предстояло переползти, было шириной около восьмисот метров. И можно было бы обойтись и без бинокля, но на опушке следующей «зеленки» стояли гаубицы, и Бармалеев попытался с помощью бинокля пересчитать их обслугу.

– Я насчитал сорок шесть человек, – опустив свой бинокль, сказал Труфанов.

– У меня столько же получилось, – сказал подполковник.

По другую сторону куста от него пристроился старший лейтенант Соловейчиков.

– А у меня только сорок пять получилось, – признался он. – Похоже, кого-то пропустил.

– Чем мне нравится старлей, – сказал капитан Труфанов, – это тем, что он признает свои ошибки.

– Или вы оба кого-то дважды посчитали, – тут же ответил Соловейчиков.

– Но один человек – это не столь и важно, – продолжил капитан.

– Важно будет, когда он в тебя очередь даст... – припугнул коллегу командир взвода саперов.

– Я еще раз пересчитал, – сообщил Бармалеев, – у меня сорок пять получилось. Пересчитай-ка и ты, – предложил он Труфанову.

Капитан принялся считать вслух. И тоже насчитал только сорок пять противников. На этом и остановились.

Наконец подполковник выбрал направление движения. Он решил обойти батарею слева. Справа расстояние между двумя полосами «зеленки» было на добрых полторы сотни метров меньше. Но слева лежала высокая земляная гряда, которая была в состоянии скрыть передвижение разведчиков. Это показалось Бармалееву наиболее важным. И он дал приказ батальону смещаться влево. Что сразу и незаметно для противника и было выполнено. Правда, дважды подполковник давал команду: «Всем замереть! Не двигаться!»

Это происходило тогда, когда на другом конце узкого и длинного поля какой-то человек, скорее всего командир батареи, поднимал свой бинокль к глазам и рассматривал соседнюю «зеленку», именно оттуда ожидая опасности.

И предчувствие не подвело человека. Когда батальон полностью переправился в нужное место, Бармалеев дал новую

команду:

– Соловейчиков, ты умеешь изображать испуг, не впервой тебе. Атакуешь крайнюю гаубицу и в испуге отступаешь к нам. Дескать, увидел, что гаубица не одна, – и резко «ноги в руки», и бежать. Только дай им всем сорваться. А уж мы их встретим с МСЛ в руках.

– Понял, командир. Есть сильно испугаться! У меня уже зубы со страха застучали. Слышите, наверное...

Старший лейтенант ушел, сделав знак своему взводу следовать за ним. И уже вскоре в наушниках разведроты раздались отсеченные очереди спецназа, а потом и громкие, порой излишне длинные очереди «бармалеев». Но коротких прицельных очередей от артиллеристов командир батальона спецназа и не ждал. Все-таки встретились подразделения разного уровня подготовки.

Наконец показались и бойцы саперного взвода. Они бежали врассыпную, что, естественно, затрудняло стрельбу по ним. И возглавлял это бегство, а не отступление старший лейтенант Соловейчиков. Но едва саперы поравнялись с первым рядом первого взвода разведроты, они вдруг резко развернулись. Кто-то стал стрелять с колена, кто-то выхватил лопатку и ею наносил удары направо и налево. Тут же в наушниках подполковника прозвучал залп первого и второго взводов разведроты. Стреляющие бойцы сразу же залегли, чтобы три оставшихся взвода могли посылать очереди над их головами. Залегли и саперы. Мощная стрельба сделала свое

дело. «Бармалеи» почти все были без бронжилетов и потому в один миг понесли потери. А тут еще разведрота выхватила свои МСЛ... Дело было сделано. Сам Бармалеев успел уложить только одного бандита, который умудрился все же дать по нему очередь. Бандит целился в голову, но только сорвал погон с плеча подполковника. Сам же он нанес молниеносный удар лопаткой в неприкрытую бычью шею. Бандит упал и открытыми остекленевшими глазами уставился в небо, по которому пробегали лишь редкие облачка.

– Товарищ подполковник, – стал докладывать Труфанов, – у нас четверо убитых, один сапер ранен в икроножную мышцу. Пуля прошла навывлет. Сам идти не может.

– Убитых похоронить, раненого на плащ-палатку, и три смены носильщиков к нему. Меняться почаще, чтобы не уставали. Нам еще две минометные батареи следует уничтожить. Соловейчиков! – позвал комбат.

– Я! – со стороны отозвался старший лейтенант.

– Обеспечь минирование гаубиц.

– Есть, товарищ подполковник.

– Потом нас догонишь. Мы к минометным батареям.

– Сложная задача, – сказал Труфанов. – Численно их много больше, чем бойцов на гаубицах...

– Численность нас никогда не пугала, – возразил подполковник. – Наше главное оружие – внезапность.

– А если они наши взрывы слышали? И даже видели что-то... О какой внезапности может идти речь? И бойцов вы

потерять не боитесь?

– Они с подветренной стороны расположены. Могли и не услышать. Кроме того, и бойцы-артиллеристы тоже что-то видели и слышали. Но и для них мы напали внезапно.

– Их-то мы просто перехитрили и заманили в ловушку. Но их же было чуть ли не втрое меньше нас. А два взвода минометчиков – это сто тридцать четыре человека.

– Но они стоят по отдельности, в отдалении один от другого.

– Но расстояние не слишком велико. Одни смогут на помощь другим прийти.

– Получен приказ – уничтожить. И мы не вправе отказаться.

– Не знаю, товарищ подполковник, вам решать. Мое дело – выполнять ваши приказы.

– Вот и выполняй. Подсчитай пока, сколько артиллеристов мы положили.

– Всех, кто в атаку пошел.

– А ты все-таки посчитай. Наверняка кто-то остался.

– Есть подсчитать потери противника!

Командир разведроты, похоже, обиделся. А Бармалеев, не обращая внимания на обиду своего офицера, вытащил из нагрудного кармана планшетник, нашел на карте обозначения минометных батарей и еще раз убедился, что, попади его батальон под массированный обстрел «Градов», гаубиц и одновременно минометов, от батальона ничего бы не осталось,

как и от сирийского батальона, который тогда находился рядом. И даже «бармалеевский» окоп, что находился рядом, не спас бы батальон от осколков мин, рвущихся на высоте около двух метров и ближе, и попадающих в окоп сверху. Не зря же установлен норматив, согласно которому взрыв одной мины 81-миллиметрового миномета уничтожает все живое в радиусе сорока метров. Причем максимальная дальность стрельбы из миномета составляет шесть километров. Значит, разведrote и саперному взводу предстоит преодолеть дистанцию... – подполковник вытащил циркуль, замерил расстояние и приложил циркуль к линейке. У него получилось двенадцать километров. Следовательно, батальону предстоит совершить марш-бросок на это расстояние. И лучше не задерживаться на месте.

– Разведывательная рота! Подъем! В марш-бросок, за мной! Вперед! – дал Бармалеев команду, только сейчас заметив приближение Труфанова. Взвод саперов уже давно ушел в сторону гаубиц, но взрывов с той стороны слышно не было. Капитан Труфанов скоро догнал комбата и побежал рядом.

– Подсчитал?

– Так точно, товарищ подполковник. Подсчитал. Сорок человек. Даже сорок один, если раненого считать.

– Что за ранение?

– В бедро. Бедренная артерия перебита. Кровища хлещет.

– Добил, чтобы не мучился?

Добивают обычно с одной руки, приставив автомат к гру-

ди. Тогда микрофон звук выстрела в наушники не передает.

– Никак нет. Не добил. Молодой совсем. Так жалобно на меня смотрел.

– Может, он ждал, чтобы доби́ли...

– Ждал и боялся этого. За каждую минуту жизни цепляется... Выжить надеется. Но я в ранениях толк знаю. Не выживет. Слишком много крови потерял. Жалко парнишку! За что воевать пошел!

– Я бы добил... – признался комбат.

Глава 3

Старший лейтенант Соловейчиков вместе со своим взводом догнал подполковника Бармалеева, когда половина намеченного пути была уже преодолена.

– Как успехи? Справился с задачей?

– Нормально, товарищ подполковник. Справился...

– А почему я ни одного взрыва за спиной не слышал?

– А потому, что я стволы заминировал. Как стрелять начнут, сразу всю гаубицу разнесет вместе с обслугой.

– Нормально... – констатировал подполковник Бармалеев. – А как твой раненый?

– Так его же...

– Его несут бойцы моего пятого взвода, – сообщил идущий рядом капитан Труфанов. – Носильщики меняются каждые десять минут.

– Взаимная помощь – это здорово. Вот почаще бы так. Кстати, десять минут не слишком много?

Последняя фраза была чисто разговорной – для поддержания беседы.

– Сначала они сами выбрали другое время – двадцать минут. Но когда рота перешла на передвижение бегом – переиграла. Ведь разница большая – десять минут бежать с грузом и десять минут идти с ним. Руки-то у парней не железные.

Бармалеев вытащил из нагрудного кармана свой планшет-

ник и, шурясь, стал всматриваться в карту, переснятую им в кабинете генерал-полковника Сумарокова. Капитан со старшим лейтенантом молчали, понимая, что комбат сосредоточен на решении своей задачи. Задуматься Бармалееву в самом деле было над чем.

Первый минометный взвод «бармалеев» занимал позицию не за высотой, а почти на самой «лысой» высоте, рассчитывая, что с высоты минометы стрелять будут дальше, а расстояние до линии фронта сам взвод уберезет от встречного обстрела. К месту, выбранному минометчиками, вела только одна тропа – проходящая вдоль сильно выющейся каменной косы, что спускалась к подножию высоты. И тропой, судя по тому, что она была хорошо утоптана, часто пользовались. Аэрофотосъемка, произведенная с дрона с помощью камеры, оснащенной инфракрасным объективом, сумела даже запечатлеть момент, когда два бойца тащат вверх именно по этой тропе ящик с минами. Другого хода на высоту, очевидно, не было, или же ход этот был слишком неудобен. Может быть, излишне крут, о чем также говорила карта. Но основная беда для спецназовцев состояла в том, что тропу перекрывал пост, состоящий из трех «бармалеев», что залегли за камнями посреди тропы.

– Рота! Скрытно занять позицию вокруг высоты! – дал командир батальона команду.

– Ну, на эту-то троицу мои арбалетчики тихонько сходят, – сказал Труфанов, наконец-то решившийся на актив-

ные действия.

У него в разведроте было отделение арбалетчиков, специально созданное для снятия часовых. Арбалетная стрела, обычно называемая просто болтом, летит совершенно бесшумно и со скоростью, близкой к скорости пули. А сами арбалетчики стреляют без промаха.

Но тропа просматривалась и со стационарного поста стоящей неподалеку части бандитов. И Соловейчиков тут же вызвался этот пост ликвидировать.

– Работай... – согласился подполковник.

Старший лейтенант сразу же пополз в сторону поста «бармалеев» и остановился на первом же отроге, с которого было удобно стрелять. Дистанция командира саперного взвода не смутила. С собой командир взвода взял только рядового Кичогло. Зная, как Кичогло стреляет, Бармалеев не возразил. Соловейчиков и сам превосходно стрелял, но старший лейтенант всегда знает, что делает.

А Труфанов тут же вызвал к себе четверых арбалетчиков, каждого назвав по фамилии.

– Почему четверых? – спросил комбат. – Часовых-то только трое.

– Одного про запас, вдруг кто-то промахнется.

– «Бармалеи» же не носят бронежилеты... – поддержал комбата командир саперного взвода, только что вернувшийся и кивком подтвердивший выполнение задания. – Их поразить несложно. Можно даже из автоматов. Глушитель звук

выстрела хорошо держит.

– Запас карман не ломит... – сказал, как отмахнулся, капитан.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться к товарищу капитану, – попросил, подойдя ближе, младший сержант Нифонтов, командир отделения арбалетчиков. За младшим сержантом подошли трое солдат. У всех за плечом, на месте привычного автомата, висел на стандартном армейском ремне арбалет. Но и автомат тоже был у каждого, только на другом плече – это на случай вынужденной самозащиты, когда на перезарядку арбалета просто не хватает времени.

– Обращайся, – спокойно ответил подполковник и, ничего не подгоняя, предложил капитану: – Труфанов, объясни бойцам их задачу.

Капитан отошел, чтобы никому не мешать, и сел в сторонке на округлый, обточенный ветром камень, тогда как два других офицера сидели на поваленном, видимо, ветром стволе старой сосны, плохо державшейся корнем за песчаную почву. Вокруг Труфанова встали арбалетчики, и командир разведывательной роты показал им сначала свою карту на планшетнике, потом сверил ее с картами на солдатских приемоиндикаторах, после чего нанес в свой планшетник метку, показал место расположения поста охраны и отослал изображение на приемоиндикаторы солдат. После этого сказал:

– На посту три «бармалея». Если вы их не убьете сегодня,

завтра они убьют вас. Любого из вас. А вас всех дома ждут – кого только родители, кого и будущие жены, а кого-то жены уже состоявшиеся и даже дети. Я говорю о солдатах всей роты, не только о вас четверых. И «бармалеи» хотят прийти в ваш дом, хотят там хозяйничать... Сегодня вам доверят, по сути дела, судьба всей роты. Если вы допустите, что со стороны поста дадут хотя бы одну очередь – в воздух или же в вас, не имеет значения – вся рота обязана будет подняться в атаку и идти на автоматы противника грудью, потому что отступить невозможно. Батарея накроев нас, отступающих, минометным огнем. И потому я вас предупреждаю о важности ваших выстрелов. Каждому необходимо сделать всего один точный выстрел, и все. Победа нам обеспечена. Дальше уже рота сможет самостоятельно справиться с «бармалеями», часть просто расстреляв, часть уничтожив с помощью МСЛ. У меня все. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ капитан. Все понятно, – ответил за всех младший сержант Нифонтов, чувствуя ответственность за судьбу всей разведроты. – Разрешите выполнять?

– Разрешаю. Вперед!

Сначала, первые сорок шагов, бойцы прошли спокойным, но уверенным шагом – их фигуры были еще различимы в темноте. Но потом залегли и поползли. Чтобы увидеть фигуры, Бармалееву пришлось даже прибегнуть к помощи бинокля с тепловизором. Благо офицеры расположились на соседней, не главенствующей над окрестностями высоте и доста-

точно далеко от минометного взвода, чтобы минометчики увидели какое-то движение. Да и сама разведрота уже рассредоточилась вокруг минометчиков, готовая начать атаку по первой же команде подполковника или же капитана. Начать атаку, невзирая на крутизну склона. А саперный взвод, которому в этой части операции было отведено особое место, тихо и незаметно приближался с двух сторон к тропе, ведущей на лысую, покрытую лишь песком, нанесенным ветром, вершину.

А Бармалеев тем временем рассматривал, как арбалетчики, разделившись на две пары, ползли, каждая пара своим собственным маршрутом. И время от времени переводил окуляры бинокля чуть вверх, чтобы рассмотреть часовых на тропе. Они явно не проявляли беспокойства. Видимо, сообщение об уничтожении «Градов» до них еще не дошло. А если и дошло, то минометный взвод явно ощущал свою силу и представлял, что линию фронта пересекла какая-то пусть даже крупная диверсионно-разведывательная группа, пусть даже составом около взвода. У группы хватило сил, чтобы уничтожить РСЗО, может быть, есть данные и об уничтожении расчетов М-777 в лесу, но вот сами гаубицы взорвать группа не смогла. Может быть, запас взрывчатки был ограничен, может, еще какой-то фактор сыграл свою роль. Эти взрывы были бы слышны на высоте, занимаемой батареей. И для нападения на полный минометный взвод у ДРГ явно маловато сил, и потому нападения ждать не стоит. Кроме того,

уверенности придавало близкое присутствие основных сил, которые обещали держать тропу под контролем. И потому часовые чувствовали себя расслабленно. Они только недавно после ужина заступили на пост и теперь только часто почесывали свои волосатые груди.

Рука подполковника опустилась на ствольную коробку автомата, висящего на переброшенном через шею ремне поперек груди. Подполковник любил носить автомат так, чтобы приклад постоянно находился рядом с правым плечом. И приучал к этому же своих бойцов. Сам он перехватывал автомат в левую руку только тогда, когда доводилось помахать малой саперной лопаткой. В такие моменты автомат на груди только мешал, а Бармалеев любил орудовать МСЛ в свое удовольствие, и, надо заметить, даже неплохо это умел делать. А снять с шеи ремень автомата – это движение отнимает меньше секунды. Также любил подполковник пострелять из арбалета. Конечно, в точности стрельбы профессиональным арбалетчиком он уступал, но сам же говорил, себя оправдывая, что дело здесь упирается в отсутствие практики. Однако в условиях довольно частых и интенсивных боев Бармалеев все-таки предпочитал автомат, ведь за то время, когда арбалет перезаряжают, опытный автоматчик успеваешь сделать пять очередей или даже больше. А сам подполковник считал себя опытным автоматчиком.

Наконец арбалетчики вышли на нужную дистанцию. Их тепловизионные прицелы «Шахин» тем и славились, что их

можно было крепить на любое оружие, на любое приспособление для крепления, хоть на планку «пикатинни», хоть на «ласточкин хвост», имеющий более широкое применение на оружии российского производства. Дистанция составляла около пятидесяти метров, то есть расстояние, оптимальное для боевого арбалета «Doom military», способного с пятидесяти метров пробить любой бронежилет скрытного ношения. Но на «бармалехах» не было даже таких «броников». Арбалетчики зашли по бокам, с двух сторон. Причем расстояние одной группы от другой превышало сотню метров, то есть предельную дальность стрельбы из боевого арбалета. Следовательно, арбалетчики не имели возможности поразить друг друга.

В наушниках раздался долгий звенящий звук. Болты полетели в цель, и каждый из них попал противнику точно в горло, чтобы никто не смог издать ни звука. Дело было сделано.

– Товарищ капитан, дело сделано, – прозвучал в наушниках голос младшего сержанта Нифонтова. – Пост больше не существует. Дело за вами и вашей ротой.

– Соловейчиков, вперед! – Капитан Труфанов не упустил момента и дал все же команду саперам раньше Бармалеева.

– Вперед... – подтвердил подполковник, хотя уже видел, как взвод саперов встал в полный рост и устремился к посту.

В наушниках комбата прозвучала одна короткая очередь, когда взвод пробежал мимо поста, – видимо, кто-то из часо-

вых был еще жив и невовремя пошевелился. Очередь было слышно только в наушниках. Но это уже не имело значения, поскольку взвод Соловейчикова уже приблизился к вершине.

– Рота! Вперед! – скомандовал Труфанов и сам устремился в сторону высоты, занимаемой минометным взводом «бармалеев» с соседней высоты.

Бармалеев побежал за ним, но не потому, что опасался остаться в одиночестве, а только для того, чтобы лично возглавить атаку.

С минометным взводом было быстро покончено. «Бармалеи» как раз улеглись отдыхать и гибли, не успев взять в руки оружие. Успели раздаться только три очереди. Но и они были короткими – попробуй-ка пострелять, когда на тебя наставлено столько стволов безжалостного противника! А безжалостность явилась отзывом на безжалостность самих «бармалеев», которые вершиной своей боевой карьеры считают отрезание голов случайно попавшему к ним противнику.

Но три раздавшиеся очереди все же были в состоянии поднять тревогу в расположенной неподалеку части. К тому же связист противника был расстрелян спецназовцами за радиостанцией, и было неизвестно, успел он передать сообщение или только настраивал рацию. А своего связиста, который смог бы хоть что-то определить, у спецназовцев с собой не было. И потому Бармалеев быстро сориентировался и отдал команду:

– Соловейчиков! Быстро! Уничтожить минометы и боезапас! Остальные! Заканчиваем здесь и колонной спускаемся по тропе. Труфанов! Обеспечить разведку. Выдвигаемся в район второй минометной батареи.

Глава 4

Разведрота быстро выстроилась в повзводную колонну. И только первый взвод ушел вперед – его капитан Труфанов послал в разведку, поскольку взвод старшего лейтенанта Яценко считался в роте разведывательным взводом. Но тут из-за спины слышались выстрелы минометов. Бармалеев оглянулся. Соловейчиков перед тем, как взорвать минометы, решил пострелять из них по окопам «бармалеев». Пришлось комбату поворачиваться в другую сторону и в бинокль попытаться рассмотреть позицию противника. Подполковник понимал, что просто ради баловства Соловейчиков вести обстрел не будет...

И оказался прав. Видимо, командир саперного взвода посмотрел на линию фронта раньше комбата и увидел колонну «бармалеев», выдвигающуюся в сторону лысой высоты. Так быстро отреагировать на три короткие очереди бандиты не успели бы. Значит, они отреагировали на другое. На что они могли отреагировать? Только на снятие своих часовых. А их снимали как раз бойцы саперного взвода. И мысль о возможном обнаружении этого факта, вероятно, не давала покоя Соловейчикову. И он постоянно держал ситуацию под контролем. А в данный момент расстреливал колонну бандитов из минометов. Колонна выдвигалась в помощь уже погибшим. И бандитов расстреливали из их же родного оружия, калибра

восемьдесят один миллиметр. Конечно, старшему лейтенанту было сложно переквалифицироваться из сапера в минометчики, и ему было далеко до тех же минометчиков-«бармалеев», что готовили ловушку для сирийских войск и российского спецназа, тем не менее Соловейчиков быстро освоил прицел и сумел рассеять колонну «бармалеев», нанеся ей, как показывал бинокль, существенные потери в живой силе. Тела убитых еще не успели остыть и задеревенеть и потому светились в окулярах бинокля, как светится любое живое кровенесущее тело.

Бармалеев замер на месте, раздумывая над своим положением. С одной стороны, ему хотелось остаться вместе с Соловейчиковым на высоте. Тем более стрелять прицельно из минометов он умел лучше старшего лейтенанта и мог бы командовать теми восемью минометными стволами, что составляли батарею, со значительно большей пользой. С другой стороны, требовалось уничтожить и второй минометный взвод, а капитан Труфанов в состоянии отказаться от этого в отсутствие командира батальона. Кроме того, останься подполковник с саперными взводом, могут потом сказать, что он погнался за славой, может быть даже посмертной, и выбрал себе наиболее трудную задачу, тогда как его присутствие настоятельно требовалось совсем в другом месте. А Бармалеев не любил, когда его в чем-то обвиняют.

Перед подполковником стояла задача, которую требовалось срочно решить, а он замер на месте, не зная, что пред-

принять. Пули так и кружили вокруг него, свистели возле самого уха, но это говорило подполковнику только об отсутствии у «бармалеев» ночных прицелов. Он уже готов был дать приказ роте развернуться и идти на высоту, в надежде на сложность ее взятия и на помощь российской авиации завтра днем. Но в это время по внутривысотной связи его вызвал Соловейчиков, которого за склоном высоты подполковнику видно не было.

– Слушаю тебя, Олег Николаевич, – намеренно строго и быстро сказал Бармалеев, тоном подчеркивая сложность ситуации.

– Выручайте, товарищ подполковник, – обычным своим почти беспечным тоном сказал старший лейтенант. – Можете силой четырех взводов ввязаться в бой? А потом и я их в лоб ударю.

Чувствовалось, что Соловейчиков хотел добавить: «Я бы и с одним взводом вмешался, только получи приказ!» Бармалеев лучше других знал, что старший лейтенант атаковал бы даже составом своего саперного взвода значительно превосходящие силы противника, только дай ему подполковник такой приказ. Он бы и на танки пошел с МСЛ.

Старший лейтенант свою мысль не озвучил, но Бармалеев понял ее, и вместе с тем к подполковнику вернулись и его мужество, и его решительность, и умение находить выход в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Он громко, словно и не было у него микрофона возле рта, дал команду

ГОЛОСОМ:

– Разведрота! Слушай мою команду! Как передвигались колонной, так и передвигаетесь. Только поменяйте направление. Заходите в тыл «бармалеям» и начинаете интенсивный обстрел. Соловейчиков! Общее количество бандитов?

– Больше батальона, товарищ подполковник. Примерно батальон с четвертью. Это вначале так было.

– Много... А ты много накрыл?

– Не меньше трех взводов. Первые мины точно в колонну попали.

Старлей словно бы оправдывался за удачную стрельбу, чего он и сам не слишком-то ожидал.

– Продолжай так же... Удачи тебе!

– Товарищ подполковник! А если противник пойдет в атаку? Он же нас сомнет? – возбужденно спросил капитан Труфанов, идущий во главе четырех взводов.

– А это мы еще посмотрим, кто кого... – с боевым задором ответил Бармалеев.

* * *

Подполковник Бармалеев снова, как имел возможность убедиться капитан Труфанов, оказался прав. Интенсивная автоматическая стрельба сбоку изначально никак не впечатлила «бармалеев». Они сначала даже не заметили ее. Глушители «съедали» звук стрельбы и одновременно работали пла-

мегасителями. А звук взводимых затворов не слышался из-за приличного расстояния до противника. «Бармалеи» хорошо знали, что такими автоматами вооружен только российский спецназ, которого они откровенно опасались, предпочитая не связываться с ним в бою. И наступил момент, когда бандитам, грубо говоря, надоело лежать под минометным обстрелом и они решились подняться, чтобы идти вперед, на взвод, захвативший минометную батарею, а в бинокль они видели только один взвод, поднимающийся в гору. И получили в результате мощный фланговый удар. И только тогда «бармалеи» узнали и осознали свои потери и поняли, что их расстреливают не только из минометов. Кто-то, истошно крича и что-то объясняя, показал пальцем на позицию спецназа и тут же упал, сраженный очередью. Капитан Труфанов этого момента откровенно испугался и готов был дать команду к отступлению, но понимал, что Бармалеев, стреляющий, как простой боец, его команду отменит, а его самого может и пристрелить. Но тут открыл автоматный обстрел саперный взвод, оставивший за своей спиной целую серию взрывов. Поочередно взрывались минометы и ящики с навинчиваемыми взрывателями для мин. Сами мины без этих взрывателей были бесполезны.

Бармалеев считал взрывы, хотя был уверен, что Соловейчиков не оставит в рабочем состоянии ни одного миномета. Так, в принципе, и получилось. Сдвоенные взрывы прозвучали восемь раз, потом, следом за ними, прозвучал один

мощный взрыв – нетрудно было догадаться, что старший лейтенант решил не оставлять противнику и мины без взрывателей.

«Бармалеи» меж тем, не зная силы атакующих их спецназовцев, решили все же фронт не оголять и не рисковать возможными большими потерями. И предпочли отступить в сторону своих окопов. Сначала это было отступлением по всем правилам военного искусства, с перебежками и перекатами, но чем ближе был сам окоп, тем больше отступление походило на бегство с поля боя. Что, в принципе, спецназу и было нужно. В наушниках прозвучали лишь несколько очередей, посланных вдогонку убегающим.

– А ты, Сергей Юрьевич, опасался, что они нас атакуют в лоб... – без какого бы то ни было упрека в голосе, мягко сказал комбат.

Труфанов смущенно молчал. Он, похоже, сам стыдился своих недавних слов.

Противник отступил. Четыре взвода построились в колонну, к ним пристроился взвод саперов, и они двинулись догонять первый взвод разведывательной роты, ушедший вперед.

Поскольку первый взвод передвигался только быстрым шагом, Бармалеев решил догнать его за счет передвижения марш-броском. Подполковник дал команду и первым перешел на легкий бег. В наушниках слышался разговор двух солдат, забывших, видимо, про включенные микрофоны:

– У нашего комбата здоровье лошадиное. Снова бежим...

Ему, похоже, бегом бегать привычнее, чем пешком ходить... – с легким укором сказал один.

– И нервы железные. Я после боя до сих пор дрожу – столько людей жизни лишил... А с него все как с гуся вода... – ответил второй.

Бармалееву хотелось сказать бойцу, что попади он в плен к «бармалеям», его даже за человека не посчитают. Отрежут голову, как барану, и весь разговор. Но он промолчал из-за своей нелюбви к нравоучениям и спокойно продолжил бег.

Бойцы тем временем сообразили, что их слышно по связи, и выключили микрофоны, чтобы продолжить беседу.

Бег продолжался. И четыре взвода разведроты в сопровождении взвода саперов уже вскоре догнали первый взвод, который остановился по непонятной причине. Едва они поравнялись, Бармалеев с ходу спросил командира первого взвода старшего лейтенанта Яценко:

– Что стоим?

– Там, похоже, бой идет. – Яценко стоял на месте, держа шлем в руках. – Только непонятно, кто в кого стреляет.

Комбат свой шлем и снимать не стал – микрофон у шлема чуткий, прислушался. Где-то неподалеку шел бой. В этот момент навстречу выбежали несколько бойцов первого взвода. Хотя сам первый взвод был, по сути дела, отправлен в разведку, старший лейтенант Яценко не постеснялся и впереди взвода выставил собственную разведку из половины первого отделения. В ее состав, кроме командира отделения, мастера

спорта по боксу, входили одни спортсмены со званием мастера спорта – кто по бегу, кто по лыжному спорту, кто по биатлону, кто по волейболу. Так уж издавна повелось, что первый взвод разведроты формировался из спортсменов. Виной всему замкомвзвода старшина Михаил Клишин, мощный и сильный парень, мастер спорта по метанию молота. Спортсменам Михаил доверял больше, чем простым бойцам, и потому старался при формировании взвода затащить их к себе под командование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.